

Н. К. Рерих. Письма к А. Н. Бенуа.

Редактор-составитель серии — В. А. РОСОВ

Подготовка материала к печати, примечания:
Е. В. АЛЕКСЕЕВА, И. А. ЗОЛОТИНКИНА, Д. Н. ПОПОВ

- © Музей-усадьба Н. К. Рериха в Изваре, 1993
- © Государственная Третьяковская галерея, 1993
- © Институт истории естествознания и техники РАН, 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое издание знакомит читателей с письмами Н. К. Рериха к А. Н. Бенуа, хранящимися в собраниях Русского Музея, Музея семьи Бенуа и в Центральном государственном Музее литературы и искусства.

Александр Николаевич Бенуа (1870—1960)—одна из центральных фигур в русской художественной культуре начала XX века: известный художник, критик, идеолог общества «Мир искусства», председателем которого в 1910 году стал Рерих. Жизненные пути художников часто скрещивались. Оба учились в знаменитой гимназии К. Мая, оба закончили юридический факультет Петербургского университета. Певец Версаля, эстет, «западник» Бенуа и певец Руси, мыслитель, славянофил Рерих олицетворяли собой два полюса русской культуры. «Монтекки и Капулетти»—так позднее говорил Рерих о себе и о Бенуа.

Двух больших художников объединяла огромная любовь к искусству, забота о памятниках культуры, тревога за судьбы сокровищ человечества. В марте 1917 года Рерих и Бенуа стали помощниками М. Горького, возглавившего созданную им Комиссию по делам искусств. Охрана культурных ценностей—задача, всегда волновавшая Рериха. По его инициативе был создан «Красный Крест Культуры», положивший начало Пакту об охране памятников культуры. Желая привлечь к этому благословенному начинанию политиков и деятелей культуры с мировым именем, он в 1936 году обращается к Александру Бенуа, который к тому времени уже десять лет жил в эмиграции, в Париже. Письма Рериха к Бенуа являются непреходящими по ценности документами нашей эпохи—взволнованные, полные беспокойства о судьбах мира и сокровищах культуры.

Н. К. Рерих

Об Александре Бенуа, его славной семье, картинах, постановках и истории искусства

Из Лондона пишут о новой волне восхищения перед балетом и театральными постановками. Русским такое письмо особенно радостно. В основе известия лежат успехи русского искусства, Бенуа, Дягилев, Шаляпин, Стравинский, Прокофьев, Павлова, Фокин, Нижинский, Мясин и многие прекраснейшие художники, каждый в своей сфере, вложили великий дар в успехи русского и мирового искусства. Их не перечислить! Ими, их творчеством, несмотря на все мировое потрясение, неустанно растет признание искусства. А ведь осознание красоты спасет мир.

Вспоминаю всю долгую славную деятельность Александра Бенуа. Редко случается, чтобы целая семья дала столько замечательных деятелей искусства, как семья Бенуа. Отец Александра Бенуа — выдающийся архитектор Николай Леонтьевич. Братья Александра Николаевича—Альберт, прекрасный художник-акварелист, и Леонтий, известнейший архитектор и ректор Академии Художеств. Но не заглохли традиции служения искусству на этом старшем поколении. Сын Александра Бенуа, Николай, уже занял выдающееся место в европейском искусстве. Кроме врожденного таланта помогла ему и высокохудожественная атмосфера дома Александра Бенуа. Необычайна вся обстановка жизни Александра. Пусть молодое поколение чутко прислушивается и оценит это культурное гнездо—настоящий рассадник прекрасных творений, писаний, собирательства и чуткой отзывчивости на все события мирового искусства.

Александр Бенуа—неповторенный мастер и в картинах, и в театральных постановках. Бенуа—редкий знаток искусства, увлекательный историк искусства—воспитавший целые поколения молодежи своими убедительными художественными письмами. Бенуа—собиратель предметов искусства. Не только знание и начитанность, но тонкий вкус и прозрение дали его собранию особую привлекательность. Наконец, Бенуа — незаменимый деятель культуры в ее широком понимании; гуманизм, этот цемент всех человеческих взаимоотношений, запечатлен во всей жизни Бенуа. Когда же такое редкое качество утверждено на почве, расцветшей истинным искусством—тогда-то получается редчайший синтез культуры. В жизни, здесь, среди земного смущения, необычайно, редко такое соединение. Когда думаешь о нем — наполняешься радостью и энтузиазмом. Без них что же возможно?

И для русских такое неповторимое сочетание особенно вдохновительно. Не так уж они богаты щедрыми синтезами. Кроме того, частенько бывали случаи жестокости и небрежения к великим дарованиям. Не о Пушкине ли, не о Лермонтове ли припомнить? Не о Врубеле ли опять пожалеть? Много примеров! Что делать! Если в прошлом со многими обошлись неприлично, то хоть в настоящем—для будущего—будем бережны ко всему прекрасному—неповторимому.

Александр Бенуа в своем щедром синтезе дал знаменитый пример для молодежи. Каждое из его дарований уже отвело бы ему почетное место в истории искусства и культуры. Но сочтите, сложите все эти дары, и какое славное служение человечеству получится.

Мастер-художник Бенуа дает много картин, слагает свой особый стиль и сочетает традиции лучших эпох с современным пониманием художества. И в технике он замечателен, выразителен и в то же время ясен. Возьмет ли он образы любимого им Версаля, или Петровской эпохи, или Кальдерона, Гольдони, Шекспира, или же образы Стравинского— он везде дома. Всюду он внесет свое понимание эпохи и примет во внимание все, что может подчеркнуть, типичность и убедительность. Таинственно зовуще это последнее качество. Лишь истинное дарование обладает возможностью гармонией частей дать новое неоспоримое целое. Словами не выразишь, в чем кроется убедительность. Или прилетит эта легкокрылая гостья, или не коснется вовсе. В творчестве Бенуа именно есть убедительность.

История искусства Бенуа дает особый тип жизнеописания художества. Только художник может так смело и суммарно пройти по бесчисленным путям творчества. Справедливость суждений своих Бенуа не раз подтверждал, возвращаясь к прежним определениям, утвержденным новыми фактами. В потоке жизни Бенуа ищет правду. В молодости мысли он не стремится к осуждению, в чем повинны многие завзятые критики, но готов принять во внимание каждый новый, полезный факт. Замечательна неувыдаемая познавательность Бенуа. Для него нет тупиков предрассудков. Он хочет знать, и в таком постоянном познании он остается молодым, — качество счастливое и редкое.

Собиратель Бенуа являет пример, как нужно слагать хранилища искусства. На своем собрании он рассказывает, как нужно любить основы собирательства. Не сухая номенклатура, но свечение радуги творчества для Бенуа каждый музей и собрание. Жаль, что Бенуа так коротко был во главе Эрмитажа. Именно он мог руководить такою многообразною сокровищницей. Глава государственного музея не сановник, не чиновник. Он есть руководитель живого дела, от которого произрастает возрождение искусства целого народа. Не кладовая-Музей, но Музей—дом всех искусств, заповеданный классическою Элладю. На таком посту хочется видеть Бенуа. Пусть и такая мысленная посылка работает в пространстве.

Деятели культуры Бенуа запечатлел свои труды во многих журналах, обществах, комитетах и всевозможных просветительных учреждениях. Как опытный врач, он всегда готов подойти, выправить, посоветовать. Представим ли себе «Мир Искусства» без Бенуа? Или издательство Евгениевской Общины? Или «Старые Годы»? Или «Общество Старого Петербурга»? Или «Старинный Театр»? Или Дягилевский балет? Или портретную выставку в Таврическом Дворце? Или выставку союзного искусства? И не перечить всего, где потрудился, боролся и побеждал во имя искусства Александр Бенуа. Были у него и враги. Но у кого из деятелей их нет?" «Скажи, кто твой враг, и я скажу, кто ты есть». Окаменелый академизм был всегда врагом Бенуа. Но ведь это одно уже является отличием. Были несправедливые наветы и злошептания, но разве эти факелы дикарей не сопровождают каждого выдающегося деятеля? Не часто понята бывает ценность. Целые Академии расписывались в позорных ошибках. Не сказать ли примеры?

Не о бывшем хочется говорить. Важно то, что Бенуа во всем своем даровании, во всем знании и опыте неустанно действует. Недавняя его выставка в Лондоне—широкий успех. Не только восхвалены вещи, но и раскуплены. Художественные письма Бенуа ждуются и читаются, на них сложилось много молодых сознаний. Живет радость, что Бенуа без усталости творит большое русское культурное дело. Как никогда, оно нужно.

Народ пришел к осознанию, что красота спасет. Встало задание об украшении жизни. Каждый деятель, могущий внести камень культуры, должен это сделать, как долг, как обязанность. И каждое знание, каждое дарование должно быть обережено, как ценность неповторимая.

Полвека тому назад впервые мною было почуяно дарование Александра Бенуа. В гимназии Мая праздновался юбилей ее основателя. Географу Маю было устроено шествие с дарами от разных стран. Бенуа представлял Хоанхо от Китая. Он читал приличествующие случаю стихи. Сказано было это приветствие так особенно убедительно, что до сего дня помню и золото черный китайский наряд, и глубокий, спокойный голос, уже знавший и готовый ко многим будущим трудам и достижениям. Славно, что Александр Бенуа творит и работает неустанно.

1937

Письма Н. К. Рериха к А. Н. Бенуа

1.

*Сортавала, Сердоболь,
Семинариум Реландвр, номер Рериха
25 мая 1917 года*

Дорогой Александр Николаевич,

Привет от голубых Карельских озер², от Ладоги, такой широкой, такой богатой шхерами, что я, кажется, изменю моему Новгороду. Понимаю, отчего север Ладоги издавна привлекал новгородцев и викингов. Как-то особенно привольно здесь. Радуют и финны. Как осмысленно у них на хуторах! Отчего и малые дети уже могут работать? Отчего сын нашего дворника,¹ окончивая лицей, сидит на козлах, проезжает по городу, раскланивается со студентами? Есть достоинство в этом? Пусть нас долго давили, но и финнов угнетали. Отчего же у них такое достоинство и спокойствие? Земледельцы не тревожатся стачками рабочих, ибо запросы не будут чрезмерными и они знают, что сговорятся. Плохо только с нашим рублем, курс уже 185. Но отчего ему улучшиться, если Россия не может быть полезной для Финляндии. Жалуются на солдат, на матросов, говоря, что не знают, что такое «свобода». Жалуются на петербуржцев, поднимающих цены. Наехало много. Все занято. За дачи платят по 7000 марок. В гостинице тоже полно. Где ты решил провести лето? Право, уезжай из города, надо к земле прикоснуться. На расстоянии опять веришь, что все будет хорошо. Если народ темнотою, неосведомленностью затрудняет дело³; если многие живут вчерашним днем; если вылезли темные и нелепые, то все же такой этап пройден и все тяготы оправдаются. Читал твои два фельетона (газеты сюда плоховато доходят)³. Дай Бог Зилоти⁴ твердо и сознательно осветить дело театра; пусть выдержит.

Первое лето я поехал без заданий (кроме двух эскизов) — хотелось работать этюды. Набрать свежего материала. Ведь здесь мои горы, мои леса, камни с разноцветными мхами. Напиши, куда едешь? Anne Карловне⁵ привет от нас.

Искренне твой • Н. Рерих

2.

*Сортавала, Сердоболь,
Семинариум Реландер, номер Рериха
17 июля 1917 года*

Дорогой Александр Николаевич,

Как бы часто ни писать, теперь всегда между письмами будет бездна. Каждый день приносит ужасные вести: помни, что я живу на Yhin-lahtia, а в переводе: на заливе Единения. Само слово напоминает о том, что нужно, чтобы спасти культуру, спасти сердце народа. Неужели опять вернуться к культурному безразличию. Неужели можно думать о свободной жизни без знания, без радости искусства. Спуститься ли искусству до толпы, или же властно поднять толпу до найденных пределов искусства? Скоро ли искусство нужно будет толпам? Я верю человечеству, но всегда боюсь толпы. Сколько над толпой противоречивых, злых эманации. Так много вредного нечеловеческого. Творим картины, но, может быть, надо сидеть в Комиссиях? Кто знает? Письмо твое мне многое напомнило из наших сидений⁶. Неужели опять будем сидеть? Чем кончилось с Академией?⁷

Мы очень удивились, узнав, что ты попал в наш Новгород да ещё так недалеко от моего валдайского каменного века. Сообщали нам об эксцессах в том краю. В' Бологое у старика Путятинна сгорел старый дом⁸. Часть мебели вынесли, но наслоения времени погибли. Точно так мы богаты для разрушений. Неужели прошел закон об аресте художественных произведений. Ведь нельзя же всё решительно запретить в свободной стране. Горький, выступив против твоего взгляда, опять не попал⁹. Почему он так часто не попадает? Ведь ему угрожает единение, как ты пишешь, с Савостиным и Фаберже. Надо сплотиться всеми силами за культуру и искусство. Какое бы отношение мы ни встретили, мы должны сказать друг другу, что поклянемся защищать наше дело, ради которого мы вообще существуем. К вражеским ударам мы уже привыкли, в этом наша судьба так сходна. За это время я сочинил эскизы для сюиты: «Героика»¹⁰. Искренне возмущен я отношением к твоим эскизам — к Соловью. По справедливости, по существу Ты должен делать эти декорации. Ведь это не в Головинском кругу. Думается, и Стравинский должен проявить настойчивость более определённую". Как всё это пахнет старым строем. Где Яремич?¹² Что он мне не пишет? Он один из немногих хороших и твёрдых людей. Привет Anne Карловне. До следующего боя осенью, до свидания. Пиши о настроениях.

Душевно твой ,

Н. Рерих

3.

Сердоболь, дом Генетиц 7 октября я/с, 1917 год

Дорогой Александр Николаевич, мои лёгкие опять загнали меня в Сердоболь. Когда выпустят меня отсюда — не знаю. Может быть, буду рентгенироваться, чтобы установить, что за нелепая форма ползучего процесса. Верно где-нибудь имеется очаг, который при первой возможности осложняется. Настроение плохое. Живём в обстановке из книг Гамсуна¹³. Перед окнами—очень важное место, приход парохода! Покуда вне всяких городских соображений, ещё ничего. Природа хороша, хотя бы из окна. Но финская полукультура, где нет ни низкого, ни большого— всё-таки тягостна. К тому же они до того пропитаны маленькой политикой, что

вопросы духа и, конечно, искусства очень далеки. Хорошо, что хоть есть уважение к искусству; По сравнению со многими нашими и то уж ладно. Все время идут толки о десанте. Откуда эти вести ползут, почему так упорны эти *слухи*— не пойму. Но ждут, и ждут «разнообразно». Смотрю на серое небо, на суровые волны — не верится в десант, пока путь ледостава. Но этот говор всё волнует.

Степан Петрович¹⁴, вероятно, передал мою записку о Школе¹⁵. Как странно, что именно в революционном правительстве—; просветительство должно гибнуть и, питать. Положение дела ещё хуже, нежели я жисал, ибо мои данные были от весны, а осень принесла во всё худшее. Надо придумать для Школы, хотя бы и сокращённые, но такие формы, чтобы она без нищенства могла бы ^стоять на своих ногах. Трудно это говорить мне, строителю, но нужно что-то сделать своими средствами, нежели ждать наше правительство, которое богачу Зубову¹⁶ помогает. Мне представляется тип свободных художественных мастерских, и живописных, и прикладных. Таким путем без громоздких «классов» мы всё же сохраним идею единого искусства. Если вообще творчество и строительство будет возможно. Напиши о твоих настроениях и работах. Как дело твое с Головиным? Будут ли и где выставки «М<ира> Искусства»?¹⁷ Привет Анне Карловне. Привет товарищам художникам. От всего сердца желаю тебе все светлое.

Сердечно твой
Н. Перух

4

5 декабря, вторник, 1917 год

Дорогой Александр Николаевич,

Не знаю, получил ли ты за осень два моих письма. Так много писем теряется, что не знаем никогда, что именно дошло... Все провалы и проскоки получаются. Здоровье моё всё ещё неладно. Все скачки температуры. Не поймешь, что это—туберкулёз или особая нервная форма. А фокус в легком точно лучше. Сегодня я послал нашему Степану Петровичу телеграмму, просил его хоть на день приехать ко мне. Вчера меня так потянуло к Школе, к Обществу. Точно что-то нужно. Точно я что-то должен сказать. Только что я послал туда мои проекты Свободной Академии—тех мастерских, о которых тебе писал. Надо его провести—этот проект. Кажется, я продумал его детально. Конечно, до осени и думать нечего начинать новое дело. Надо как-то пережить тяжелое материальное положение, а осенью и кликнуть клич. Давно я не слышал о тебе. «Новую жизнь»¹⁸ мне давно прекратили посылать. А теперь кроме «Дня» ничего не получаю. Да и то не регулярно. Хотелось бы узнать, что ты думаешь? Чем живёшь духовно? Уже столько лет мы идём, как ты писал, рядом и храним и защищаем то же искусство.

Когда проклятые боли и температура не выводят меня из строя — я работаю. Несколько вещей удалось. Кроме того, написал мистерию «Милосердие»¹⁹—хорошо бы найти композитора, который бы приделал музыку. Увидимся—ты мне посоветуй. Зимой здесь хорошо — воздух кристальный. Закатные туманы и утренний свет —поразительны. Удалось прочесть и несколько нужных книг. Когда будешь в тишине— советую тебе их прочесть. Особенно нужно «Провозвестие Рамакришны»²⁰, очень серьёзное, а главное — близкое человечеству учение.

Привет Анне Карловне и всем твоим. Юрик²¹ всё ждёт писем от Коки²².

Дружески обнимаю тебя твой
Н. Перух

5.

24-го июня, 1936 г.

Дорогой Александр Николаевич,

Только что прочёл в «Последних Новостях»²³ Твой прекрасный фельетон, посвящённый памяти Альберта Николаевича²⁴. Хочется мне через все океаны и горы послать Тебе и памяти Альберта Николаевича мои самые сердечные мысли. С братом Твоим исполнилось сорокалетие моего знакомства, и всё это время, несмотря даже на многие общественные неурядицы, у нас с ним оставались отношения добрые, не омрачённые ни одним недоразумением. Ещё в прошлом году с Камиллой Альбертовной²⁵ мы вспоминали Альберта Николаевича как друга всего культурного и просветительного, сумевшего донести не расплесканным и своё прекрасное творчество, так справедливо отмеченное в Твоей статье. Большое счастье хранить память, ничем не омрачённую. Вспоминаю я часто Твои сердечные слова из статьи 1916-го года о том, что друзьями нам надо быть. И действительно, на пашне искусства и просвещения все, идущие в одном направлении, уже не враги. А чем длиннее этот общий путь, тем дружественнее должны быть сердца путников. В' каждом обиходе много всяких загромождений, но именно радость об искусстве всегда является тем общим языком, который взаимно открывает сердца. Вот мы работаем в разных странах под разнообразными знаками, а в то же время путь-то

этот един. Не знаю, доходили ли до Тебя мои записные листы, где мне приходилось упоминать Твоё имя. Несколько раз мне приходилось писать о необходимости бережности к деятелям, незаменимым и драгоценным на путях, культуры. Много разных достижений, и познании, и открытий, но культурный синтез всё же, редок. Для такого синтеза нужны уж очень многие наслоения и благожелательные впитывания. В Твоём же творчестве, в Твоих писаниях и исследованиях именно звучит настоящий синтез культуры. И вот эта подлинность действий и переживаний сейчас нужна в мире, как никогда. Среди миражей и измышлений дух человеческий тоскует о подлинности, о той культуре, которая всегда будет Светом истины. На этом объединяющем понятии мне и хочется послать Тебе и семье Твоей самое сердечное слово. Теперь мы здесь получаем «Последние Новости», а потому буду в состоянии следить за Твоими статьями. Слышу, как неустанно Ты работаешь, работаю и я. Шлю Тебе искренний привет.

Душевно с Тобою
Н. Перух

6.

*NAGGAR,
Kulu, Punjab, Brit. India
4-go августа 1936 г.,*

Дорогой Александр Николаевич²⁶, Твое дружеское письмо от 7-го июля доставило и мне и всем моим большую радость. Вот Ты удивляешься, почему, проезжая Париж, я не повидался с Тобою. Я же со своей стороны удивлялся, почему в те дни никак нельзя было достичь Тебя. Наконец, мне сказали, что Тебя нет в городе. Я же, со своей стороны, искренно стремился повидаться. Те же самые чувства, которые Ты подчеркиваешь в письме своем, живут и во мне. Если, как мы оба нерушимо чувствуем, мы служим на пашне культуры, то это сознание прежде всего должно быть стимулом общей работы. В конце концов, она — эта общая работа — и происходила все время. Телесно мы могли быть в различных частях света, но по существу мы шли тем же путем, видя перед собою те же вехи пути искусства и знания. Жалею, что некоторые мои записные листы ' не дошли до Тебя. В «Пантеоне Русского Искусства»²⁷ я просил оберегать наши культурные силы. Конечно, Твое имя и художника, и писателя—знатока трудной области искусства — упоминалось прежде всего. Скорбно звучат слова Твои о том, что часто приходится говорить «как в подушку». Родной мой Александр Николаевич, эти же слова могут быть повторены всюду. Не забуду, как Леонид Андреев²⁸ писал мне: «Говорят, есть у меня где-то читатели, но ведь я-то их не вижу и не знаю». Против такой сердечной скорби может быть лишь одна панacea—единение. Ведь единение есть не только нравственное понятие, но и реальнейший двигатель;

Мне хочется, чтобы мои письма и Твой дружеский сердечный отклик являлись бы доказательством того, что никакие физические границы не могут препятствовать истинному единению и доброжелательству—попросту говоря, дружбе. Вся Твоя работа, все Твои писания, все то, что младшие поколения от Тебя получают, все это так ценно, как истинные вехи по пути правильному. Должны же люди когда-то понимать, в чем заключается истинная ценность, и научиться беречь то, что неповторяемо. При этом поразительно наблюдать, насколько сплочены полчища вандалов-разрушителей и насколько разрозненны культурные силы, которые в каких-то даже неумовимых для сознания междуусобиях обессиливают себя. Ты пишешь, что, может быть, оставаясь в России, можно бы больше сделать. Но ведь скоро мы там встретимся. И поверх всего принесем молодым поколениям все, опытом накопленное. Родовались мы Твоим поминаниям о Твоей семье. Там, где истинная культура, там и устои прочны. Привет от всех нас всем Твоим.

Ты спрашиваешь, где и как мы живем. Сейчас передо мною в облаках Тибетские горы—на север. К югу побежала долина Кулута, связанная со многими именами Махабхараты. По долине вьется бурно каменистая река Беас. Имя ее от Риши Виаса, или Беаса. Река знаменательна тем, что явилась пределом для Александра Великого. На Восток—большие горные перевалы, а за ними селение Малана, где до сих пор говорят на неизвестном языке. На запад опять горы, а за ними Лахор и пути к Афгану и Туркестану. Вот Тебе наша топография. Все мы, как всегда, работаем усиленно. Действительно, сердце Елены Ивановны натрудились во время наших горных Тибетских экспедиций и теперь требует величайшей осмотрительности. Но если бы Ты видел всю ее самоотверженность, и устремленность к работе, и постоянное вдохновение всех, ее окружающих, Ты преисполнился бы радости. Это большой подвиг. Не жалея себя, Е. И. работает целыми днями, и как раз надо мной на втором этаже ее машинка пишущая стучит, не переставая. Много написано, многое переведено. Многим доставлена радость. Юрий работает, не покладая рук, над англо-тибетским словарем, в который уже вошло до 3.000 ранее не отмеченных слов; одновременно он пишет историю Средней Азии. Сначала думал, что она уложится в один том, но тема так велика, что и в два больших тома с трудом уложить можно. Святослав написал много отличных картин—сильных красками и четких в форме, кроме того, он занимается медицинскими растениями, для которых Гималаи являются настоящим рассадником. Предлагали мне выставку в Лондоне, Стокгольме и других местах, но для этого нужно прежде всего самому там побывать, а это не так-то легко. Все мы твердо верим, что близки сроки, когда каждый в своей области принесет пользу в

России. Нельзя заниматься лишь бывшим. Нужно помочь будущему. Посылаю Тебе мою очередную книгу «Врата в Будущее». Надеюсь, что это письмо достигнет Тебя еще в милой Швейцарии, а книгу для верности пошлю прямо на Париж.

Слышали мы—и Дризен³¹, и Рауш³² умерли—хорошие были люди. Также слышали, что Билибин³³ едет директором в Ташкент. Если увидишь его, передай ему мой сердечный привет.

Очень интересуемся и работами Коки. Только подумать, что уже четверо внучат. Поистине, крепость семьи есть настоящая твердыня. За эти дни читал еще два Твоих фельетона о Парижских выставках. До чего нужна Твоя ясная мысль и знание фактов. Столько нагромодилось около искусства, что , лишь опытный садовник может расчищать эти заросли. А о мировом положении уже лучше и не говорить. Точно бы все человеконенавистничество задалось целью порушить планету. Откуда такая злоба. Если всем трудно, то ведь ненавистью ничего не достичь. Единение и добротворчество путь единый. Сердечный привет Анне Карловне и всем Твоим. Привет П. Н. М<илюкову>. Привет всем друзьям—Тебе виднее.

Сейчас прочел о Твоем успехе в Лондоне³⁴—от души радуюсь.

Сердечно, духом с Тобой,
Н. Перих

7.

6 января 1937

Дорогой Александр Николаевич,

Письмо Твоё от 11-го декабря, сейчас к нам доплывшее, и обрадовало нас, и огорчило. Огорчило оно тем, что Твоё чуткое сердце так болезненно воспринимает современность со всеми её эксцессами. Действительно, можно ли не болеть, душою, когда видишь и вандализм, и невежество, и какой-то океан злобы и клеветы. Не думай, что в наше отшельничество не долетают воздушные вести об ужасах происходящего. Так трудно бывает, что и сказать невозможно. Тебе может казаться, что у нас-то всё легко, а мы на расстоянии видим, что у Тебя всё ладно и прекрасно. Ничего не поделаешь — и в подушку приходится говорить, и выдерживать поток самой невежественной клеветы. Потрясающе всё, что Ты пишешь о трагедии Бразы³⁵. Мы уже читали и прекрасный сердечный фельетон Твой о нём, а теперь Ты дополнил его Твоими свидетельствами о его последних минутах. Опечалились мы и Твоими сведениями о кончине Гиршмана³⁶. Если увидишь вдову его, передай ей наше самое сердечное соболезнование. Ты правильно пишешь в Твоём фельетоне, что многие уходят, и это обстоятельство ещё более обязывает остающихся держаться в единении, в традициях культуры и преданности всему прекрасному. По корреспонденции нашей из разных стран видно, какво катастрофично положение во всём мире. Страшно подумать, что человечество, обуянное яростью разрушения, выливает воду из ванны вместе с ребёнком. Ещё недавно Рабиндранат Тагор записал мне о том, что хотя голоса наши об охране культурных сокровищ и теряются в бранном шуме, но мы должны неустанно твердить о сохранении всего прекрасного, ибо иначе лишь молчанием своим будем ускорять конец цивилизации. Когда мы говорим об охране культурных ценностей, конечно, мы не надеемся на то, что враждебные ядра перестанут летать по миру, но мы хотим неустанно напоминать человечеству, от ранних школьных лет, о ценностях, которые каждый человек во имя своего достоинства должен оберегать. Должен сказать, что в этом движении мы находим много друзей в разных странах. Трогательно видеть, как люди малоимущие на последние гроши издают широко расходящиеся брошюры и тем пробуждают сознание народа. Уже двадцать одно правительство признало Пакт, а во многих других странах правительства хотя и не подписали формально, но представители их уже дружественно обсуждают возможности. Посылаю Тебе брошюры о Пакте, а также мою последнюю книгу «Нерушимое»³⁸, в которой опять твержу о том, что нам всем нерушимо дорого. Конечно, Ты правильно пишешь, что многое приходится говорить в подушку, но не нам судить о путях, на которых воспринимается слово о Культуре и Красоте. Можно лишь сказать, что поистине неисповедимы пути эти. Никогда не знаешь кто и где загорается идеей спасения истинных ценностей. Но скажу лишь одно, что даже в этой же почте получилось несколько трогательных писем всё о том же. Так, Например,, группа молодежи с Дальнего Востока отправляется в кругосветное путешествие со Знаменем Мира, не убоившись всех трудностей такого пути. В Литве и Латвии предположены конгрессы всё о том же. В Польше распространяют во многих тысячах •Польскую брошюру—значит, в совершенно неожиданных местах вспыхивают очаги, охраняющие священный огонь. И Ты не можешь предугадать, где Твои замечательные художественные письма пробуждают молодое сознание. А вот нам постоянно приходится слышать искреннее почтение Твоего слова. И мы рады всячески подчеркнуть, что такое авторитетное суждение, как Твоё, сейчас является исключительным маяком просвещения. Хочется, чтобы ещё теснее и дружелюбнее держались кружки, стремящиеся к тому же благому пути. Древние заветы о единении всё же живут и, главным образом, живут в молодых сердцах. Много в чём обвиняют современную молодёжь. Но поверх всякого такого брюзжания справедливо раздаются указания и о жертвенном служении, которому предана молодёжь. Имеем множество примеров, когда именно молодые подвижнически противостоят злобе и разрушению. Но уж больно много клеветы в мире. Приходится встречаться с таким Невежеством и с таким человеконенавистничеством, что прямо диву даёшься, каким образом, несмотря на грамотность и кажущуюся цивилизацию, люди могут безответственно бормотать всякую

ложь. Не пришлось бы создавать особые общества, борющиеся с общественной ложью. Иногда даже считается дурным вкусом говорить о добротворчестве, единении и содружестве. Но видим, что нужно говорить обо всём этом, так нужно, как никогда. Перед Праздником я послал Тебе мой лист дневника, Тебе посвящённый. Если бы только люди ещё более себе уяснили, что такие неповторённые явления, как Твоя деятельность и Твоё творчество, должны быть почтены всем сердцем. Если нельзя разрушать памятники культуры, то нельзя вредить прямо или косвенно и живым явлениям 'Культуры. Нельзя убивать соловья, чтобы когда-то потом восхищаться былым пением. Поистине, лишь «в единении—сила». Шлём всей семье Твоей и Тебе наш общий сердечный привет. Сейчас все горы и долины засыпаны сияющим снегом. Уже вчера прекратился телеграф. В этой временной полной отрезанности помним о мысленных послылках, о передаче мыслей, так прекрасно разработанной проф. Рейном. Каждая Твоя весть приносит нам большую радость. Прими её и от нас.

Сердцем и духом с Тобою,

Н. Перих

Сейчас прочёл отличный Твой фельетон о Рубенсе³⁹.

8

2 марта 1937

Дорогой Александр Николаевич,

Письма Твои, несмотря на Твой пессимизм, приносят нам большую радость. Наконец-то совершилось то, <что> должно было быть данным давно. Ведь и я, и Ты — мы обоюдно всегда понимали нашу общую работу, ибо работа на культурной пашне всегда будет общей. Так и теперь, несмотря на океаны и горы, мы устремляемся всё к той же культуре. Чем больше она оскорбляема, тем дружнее и сильнее все защитники её должны быть вместе. Могут быть всякие препятствия, трудности, ущербы, но тем не менее мы должны быть вместе, чтобы и младшее поколение видело, насколько сплочённо работают те, кто от юности уже прилежал к Культуре, познанию её и её защите. Нам обоим приходится встречаться с молодым поколением. Ясно вижу, насколько ему нужно видеть и чувствовать наше несломимое. стояние за культуру. Мы не имеем права ни уставать, ни огорчаться, ибо каждый такой знак обессиливает и молодёжь, которая среди нынешних смятений ищет зова бодрости и крепости. Ты совершенно прав, видя неслыханные вандализмы и горюя о них. Какое же человеческое сердце не содрогнётся от одного рассказа о прививке бешенства, о чём Ты писал в прошлом письме. Действительно, даже не верится, чтобы люди могли доходить до такого неизреченного безумия. В то же время сама действительность постоянно подтверждает, что возможно и такое омрачение. Если человечество низринулось в такие бездны, то те, которые понимают весь ужас происходящего, обязаны сплочённо противодействовать злу невежества. Прекрасны твои художественные письма. Ведь они, как светлые маяки, напоминают мятущимся толпам о том, что нерушимо. Недавно мы видели в английских и американских журналах новые постройки Желтовского⁴⁰, Щуко⁴¹ и Щусева⁴². Хорошие здания в традициях славного русского аадира. В рижской газете читали мы об успехе архитектора Белобородова⁴³ в Риме, там же я радовался прочтению прекрасную статью об успехах постановок Коки. Много других знаков несломимой крепкой поросли можно находить. Вот эти знаки труда даже в самых невообразимо тяжких условиях сейчас так неизмеримо ценны. И Ты это отлично чувствуешь. Потому, когда Ты пишешь о пессимизме, я не хочу понимать это слово в его обычном значении. Ты имеешь в виду сердечное горе, видя омрачение и одичание. Но Твою светлую веру в Культуру ничто не может поколебать. Если же мы и перекинемся словом огорчения по поводу страшных знаков невежества, то это будет лишь наше внутреннее чувство, когда мы знаем, что, будем обоюдно поняты. Великое дело—уверенность в правильном душевном обоюдном понимании. Столько раз в жизненных препятствиях нам приходилось испытывать настоящее неприкрытое предательство. Столько раз самые лучшие намерения истолковывались подло и невежественно. Столько раз мы видели очевидную несправедливость и ложь, что все эти жизненные удостоверения должны научить ценить обоюдность, добрую и сердечную. Она для молодого поколения является прибежищем. Много раз мне приходилось убеждаться, насколько ценят молодые поколения каждый знак твёрдости и строительства. Как видишь, мы говорим об одном и том же. И это немудрено, ибо когда мир раскалывается по определённым сферам, тогда не может быть шатания. Нужно оборонять всё прекрасное и ценное от посягательств невежества. Когда-то, может быть, нас заподозрили бы в общих и туманных выражениях, не понимая, насколько насущна такая оборона, но сейчас уже настолько многое стало очевидным даже и недалёкозоркому глазу, что не посмеют сказать о том, что оборона прекрасного это есть туманная-отвлечённость. Жаль, не имею фотографии моей последней картины «Армагеддон» (1936), которая, наверное, нашла бы отклик в Твоём сердце. Жалею о нездоровьи Анны Карловны. Когда и без того столько тягостей, а тут ещё болезнь. Вот и Елена Ивановна всё время болеет. После наших замерзаний и бедствий в Тибете на больших высотах у неё пострадало сердце. А теперь произошло, что она положительно не может спуститься к уровню океана. Даже спуск на две, три тысячи футов для неё уже болезненен и опасен. Очень я тронут Твоей оценкой Листов моего Дневника. Ведь если Ты говоришь, то это так и есть. Такая же твёрдая справедливость суждения была у Серова⁴⁴. Удивительная эволюция происходит. Вот уже оценили и Репина, и Сурикова, и многих, кто был по разным причинам забыт и отставлен. Только что

вышла в одном здешнем ежемесячнике моя статья о Пушкине к его «юбилею». Опять был случай напомнить, что человечество должно бы уничтожить причины к таким юбилеям и научиться оберечь, охранить, оборонить своих лучших людей. Как собаки, в своё время клеветники бросались на Пушкина, а теперь весь мир единодушно встаёт в почитании. Юбилей превращается в нечто гораздо более торжественное и величественное. В нём почитаются уже мировые понятия. Дай Бог,

- 21

чтобы люди сие запоминали. Каждая Твоя весточка читается нами с сердечным трепетом. Ведь Ты скажешь то, что так редко можно услышать. Полвека тому назад прозвучало Твоё *unendlich land* и, действительно, эта бесконечность творчества и, подвига во имя Культуры так поразительна. Все мы шлём Тебе и Анне Карловне и всем, кто сейчас с Тобою, наш лучший привет.

Духом с Тобою,
Н. Перих

9.

// марта 1937

Дорогой Александр Николаевич,

Вдогонку моего недавнего письма посылаю Тебе вырезку из рижской газеты «Сегодня» с моим листом о Тебе.. Газета почему-то любит удлинять заглавия — вероятно, с самыми добрыми намерениями. Также посылаю Тебе оттиск моей записи о Толстом и Тагоре⁴⁵ для Твоей библиотеки. Сейчас как никогда нужно закреплять добрые знаки. Уж очень много самых зловредных умыслений, умалений и клеветнических выдумок. Слышал я, что моя записка о Чурлянисе⁴⁶ в Литве понравилась. Радовался этому, ибо о Чурлянисе вспомнили, и конечно, как всегда, мнения разделяются.

Будем рады иметь от Тебя весточку. Надеемся, что здоровье Анны Карловны наладилось и всё у Тебя хорошо. Шлём Вам всем наши искренние приветы.

Духом с Тобою,
Н. Перих

10.

25 мая 1937

Дорогой Александр Николаевич,

Сейчас я получил сообщение, что записной лист мой о Тебе очень хорошо перепечатан в Чикагской газете «Рассвет». Я очень рад этому, ибо газета очень хорошая. Истинно будем радоваться каждому доброму знаку. Такие знаки—как маяки—как магниты. С большим вниманием читаем Твои художественные письма. Когда же и эта серия будет напечатана? В конце концов, когда видишь уже готовый набор, то всегда является мысль: ведь эти же самые гранки могли бы послужить для доступного и широко данного издания. Так например, здешние газеты и журналы охотно дают любое количество оттисков, и таким образом получается ещё одна возможность распространения уже во вполне соответствующей области. А ведь всё, что Ты пишешь, так нужно, а в особенности для молодого поколения, которое в силу трудных обстоятельств иногда даже и не умеет вообще мыслить об искусстве. Я знаю, что многие неведомые Тебе молодые не только бы поучались из Твоих писем, но и хранили бы их, как непреложные заветы. А ведь существование газетного листа так эфемерно. Хотелось бы видеть Твои письма широчайшим образом распространёнными во благо.

Из газет вижу Твоё участие на Пушкинской выставке⁴⁷. Замечательно, что имя Пушкина явилось таким притягательным магнитом по всему миру. Не было страны, которая бы так или иначе не отозвалась на это имя, которое вошло в мировые пределы. Все мы этому весьма радовались. Сообщи Твоё впечатление о выставке и о Русском Павильоне⁴⁸. Не будет ли среди приезжих Щуко, Щусева, Желтовского или, кого-либо из нашего поколения. Все мы в постоянной работе. Шлём милой Анне Карловне и всем друзьям наши душевные приветы.

Духом с Тобою,
Н. Перих

11.

17 июля 1937

Дорогой Александр Николаевич,

Получили мы извещение о Твоей выставке в Лондоне⁴⁹ и мысленно послали Тебе пожелания всякого успеха. Конечно, этот успех и будет во всех отношениях, ибо наконец-то стало Твоё искусство и авторитет бесспорным. Если пришлешь нам какие-либо воспроизведения или каталог, то мы — и я, и Святослав—очень порадуюсь. Здесь, в наших далёких горах, собралась целая библиотека, целый архив очень интересных книг и всяких изданий. Вероятно, Ты был очень занят подготовкой к выставке, и потому мы давно не имели Твоей весточки. Между прочим, хотелось бы доверительно спросить у Тебя: что именно имеет против меня газета, в которой Ты пишешь. Мы имеем несомненные данные к тому, что в каких-то недрах нечто гнездится. В порядке осведомления было бы весьма интересно иметь Твоё слово о том, что такое сотворилось. С нашей стороны не было никаких враждебных действий или слов. Всегда интересно иметь полное осведомление о происходящем. Несколько дней тому назад из Лондона пришло извещение о моей смерти. Конечно, это уже четвертое в течении последних двадцати лет. По примеру Марка Твена приходится сказать, что «это сведение слегка преувеличено», тем более, что на здоровье вообще не могу пожаловаться. Любопытно, кто и с какою целью занимается всякими такими измышлениями. Вообще, если бы задаться целью собрать всякие не отвечающие действительности измышления, то получилась бы преинтересная летопись человеческого невежества и мерзости. Ведь всякие такие измышления обычно бывают не с доброю целью. Вообще, где осталось то Добро, о котором столько писалось во всех веках и которому посвящены „такие трогательные поэмы. Где сейчас притаились все сокровища Прадо и других испанских хранилищ. При «сей верной оказии» не поживились ли торговцы?

Буду рад иметь Твою весточку. Все мы шлём и Тебе, и Анне Карловне, и всем иже с Тобою наш сердечный привет.

Духом с Тобою,
Н. Рерих

Какова Парижская Выставка и ее павильоны?

12.

26 августа 1937

Дорогой мой Александр Николаевич,

Спасибо Тебе за доброе письмо от 3-го августа из Австрии. Пишу Тебе по Твоему парижскому адресу, не зная, когда Ты вернёшься. Очевидно, наши письма разошлись, и Ты теперь, должно быть, получил мое от 17-го июля. В нём я спрашивал Твоё мнение, почему газета, в которой Ты пишешь, относится ко мне явно враждебно, без всяких с моей стороны поводов. А между тем, П. Н. (Милюков) произносил речь на открытии моей выставки в Лондоне в своё время и добродушно поминал в своей книге. Спрашивается, что же сейчас случилось? И Ты со своим неизменно верным прогнозом можешь разгадать эту энигму. Очень рад слышать, что выставка Твоя в Лондоне прошла с большим успехом, а также рады мы, что добрая Анна Карлорна, как Ты пишешь, сейчас оправилась от докучной болезни в ноге. Читали мы Твою статью о выставке Бориса Григорьева⁵⁰, которая, как чувствовалось в тоне Твоей статьи, Тебе понравилась менее его прошлых выступлений. Между прочим, он мне Писал, приблизительно в таких же выражениях, как и Ты, о том, что атмосфера Парижа для искусства теперь совсем не благоприятная. Жаль, если такой славный центр искусства омертвевает именно в этом отношении,

От души сожалею, что Тебе пришлось встретиться в работе с таким чучелом, как Клодель⁵¹. У меня с ним была курьёзная переписка, и по поводу одного его письма на Кэ д'Орсэ мне говорили, что если бы я предоставил им оригинал (кстати, написанный на бумаге французского посольства), то Клоделю пришлось бы подать в отставку. Прислал он мне свою книгу «Чёрная Птица», и мы думали, что в этом названии он выразил и свою сущность, впрочем он не птица, а чучело птицы. Спасибо Тебе за Твоё доброе слово о «Половецком Стане»⁵². С годами привыкаешь ко всевозможным плагиатам. На днях я получил письмо от некоего плагиатора, в котором он сладко пишет, что признаёт мой приоритет, но надеется, что я не посетую за его завладение идеей. Иногда, право, не знаешь, чему изумляться. Наивности или злодейству людскому. Писал мне Булгаков⁵³ о том, что Ты дал Твою картину для Музея в Праге—значит, там мы нашими вещами встретимся. В

теперешние дни всяких разрушений особенно хочется поддержать каждое строительное начинание. Посылаю Тебе записной лист о Тагоре и Толстота, ибо там цитируется одно из последних писем Тагора. Каждое Твоё письмо нам приносит великую радость, и мы все вспоминаем Вас в самых лучших пожеланиях.

Сердцем и духом с Тобою,
Н. Перих

13.

27 октября 1937

Дорогой мой Александр Николаевич, Письмо Твоё от 30-го сентября, как всегда, не только дало нам много радости, но ценные черты художественной жизни Парижа. Твоё суровое суждение о большой выставке⁵⁴ даёт нам представление об этих официальных фанфарах. Действительно, столько сумятицы повсюду, что можно себе представить, во что обращаются такие, как Ты пишешь, «свалочные места». Ты спрашиваешь, на чём основаны мои данные о враждебности газеты. К сожалению, таких данных у меня довольно много. Так, из разных источников я знаю, что не только сведения о моих работах, но даже и само имя иногда вычёркивалось. Делалось это престранно, ибо совестно подумать, чтобы, так сказать, своя же газета старалась бы нечто русское сострогать и снижать. Откуда сие происходило, мне неизвестно, и я в эти недра не погружался. Но Тебе я помянул об этом, зная, что Ты согласишься на такие «проявления» принципиально и справедливо. Во всяком случае, с моей стороны никогда никакого выпада не было, и вообще, повсюду мне приходилось говорить о необходимости единения культурных элементов. Иначе волны невежества прямо захлёстывают. Ты справедливо как-то писал, что приходится говорить, как в подушку. Много прискорбной правды в этом заключении. Конечно, мы знаем, что говорить и писать надо, конечно, и наши живописные песни проистекают от нашей душевной надобности. Но вспоминаются мне слова Леонида Андреева, скорбно сказанные мне ещё в Финляндии:

«Говорят, что у меня есть читатели, но ведь я-то их не вижу». Вот тут-то и начинается та подушка, на которой в ночное время остаются и слезы. Если я писал о желательности выяснять положение вещей, то прежде всего потому, что по природе своей я не люблю всяких неясностей. Или так, или этак, но пусть будет Свет. Вообще, не люблю я некоторых выражений, с которыми приходится встречаться, не люблю слово мистицизм, ибо оно мне напоминает английский мист. Не люблю это слово и по-немецки. Не люблю слово оккультизм, ибо вместо тайны должно быть светлое знание. Не люблю всякие абстракции, ибо существует одна великая Реальность. Эта Реальность должна подсказывать людям, что

хоть некоторое взаимоуважение человеческого достоинства необходимо. Много, о чём хотелось бы писать

Тебе, зная, что это будет понято в настоящем смысле. Итак, Тебе всё-таки приходится иметь дело с чучелом чёрной птицы. Я всегда не любил чучельных магазинов, — всё в них мертвенно. Рады слышать, что Анна Карловна за лето поправилась, и Ты опять в Твоей рабочей лаборатории; Не яды, но панацеи оттуда выходят. Сердечный привет от Ё.<лены> И.<вановны> и всех нас. Вспоминаем Вас чаще, чем Вы думаете. Ведь у нас здесь и Твоя история искусств⁵⁵, и Мутер⁵⁶, и много художественных изданий. Всё это старинные преданные Друзья.

Духом с Тобою,
Н. Перих

14.

18 декабря 1937

Дорогой Александр Николаевич,

Шлю Тебе два моих записных листа; в одном из них я упоминаю Твоё, всегда мне близкое, имя, а в другом говорится о сохранении культурных ценностей, и этот вопрос, конечно, чрезвычайно близок Твоему сердцу. Мне не приходилось видеть Твоих отзывов по поводу предложенного мною Пакта о сохранении культурных ценностей. Мы оба с давних времён так много трудились именно на этой трудной пашне, что все мои мысли в этом направлении, конечно, близки и Тебе. Только что мы имели сведения с Дальнего Востока о том, что за последнее время уничтожено более ста китайских университетов и других образовательных учреждений. Также слышали мы, что Храм Неба (у Камиллы Альбертовны <Бенуа-Хорват> была такая акварель) обращён в бараки завоевателей. В Тиньзине сожжена ценная библиотека—всё это лишь показывает, насколько должно человечество неотложно подумать о сохранении всего, что могут давать эпохи расцвета. В своё время идея Красного Креста подвергалась всяческому глумлению и считалась вообще неприложимой, но самое время показало, насколько общечеловечна была идея Дюнан⁵⁷. Никто и ничто не может заставить нас думать, что и Красный Крест Культуры неприложим или несвоевременен. Рабиндранат Тагор сердечно ответил мне на эти зовы, также

и Метерлинк, покойный король Альберт и король Александр, кардинал Пачелли, покойный сэр Джагадис Боше, маршал Лиоте, президент Думерг, Масарик и многие, многие другие. Наш Балтийский Конгресс тоже очень сердечно и звучно отозвался.

Все мы шлём Анне Карловне и Тебе наши сердечные приветы и ещё раз пожелания к Новому Году.

Искренне и душевно,

Н. Перих

15.

24 мая 1938

Дорогой друг, Александр Николаевич, Вчера среди писем из Европы промелькнуло одно краткое . сведение, которое всех нас поразило. Пишут: «На днях умер ' художник А. Яковлев»⁵⁸. Неужели это наш Яковлев. Не хочется верить, ибо он был в полной силе, и уходить ему ещё рано. Ещё на днях я слышал от одного лица из Средней Азии хорошие воспоминания о Яковлеве. Говорилось о его последней Ситроэновской экспедиция, о быстрых портретах, которые Яковлев щедро оставлял по пути, набросках на стенах путевых ночлегов (о том же говорит и Флеминг в своей книге). Также говорилось, что в то время, когда прочие участники экспедиции чувствовали себя усталыми и удрученными, один Яковлев был всегда деятелен во всяких условиях. Я так радовался этим доброжелательным рассказам, ибо всякое доброе упоминание для меня большая радость. А теперь вдруг краткое упоминание в письме. Невольно думается, не относится ли это к кому-то другому. Но если бы печальная весть была о нашем Яковлеве, то приходится ещё раз подумать, как редет наша группа. Каждый год кто-то уходит. Были какие-то слухи о смерти Яремича, но проверить их было невозможно. Ничего не слышали давно о Сомове⁵⁹. Но недавно были сведения о фресках, написанных Лансере⁶⁰. Итак, скоро «Мир Искусства» превратится в каких-то могикан. Напиши о Яковлеве, ведь не хочется верить, хотя и первая буква, и фамилия совпадают. Как протекают Твои работы? Повсюду теперь сгущается атмосфера, и в газете каждого дня сообщается по крайней мере за десять лет по прежнему масштабу. В наши - горы, конечно, всё доходит в большом запоздании. Но Вы кипите в самом котле событий и, наверное, знаете многое, что мы услышим лишь из вторых рук. Сейчас у нас стоит неестественная жара, а в Испании снег. Пишут, что на солнце появились какие-то новые огромные пятна, может быть, такие же пятна появились и на совести человеческой. Наверное, если бы мы встретились, то могли бы обоюдно поведать много несслыханных обстоятельств. Помнится, у Тебя предполагались весенние работы в связи с пьесой «Чучела». Всё, что Ты делаешь, нас всех живо интересует. Вполне ли поправилась милая Анна Карловна? Какие новые победы у Коки? Успокой и скажи, может быть, сведения о смерти Яковлева не отвечают действительности. Меня уже хоронили три раза, и я сам читал большие подробности похорон. Помнишь, когда написали о смерти Марка Твена, он ответил, что это сведение сильно преувеличено. Итак, напиши, а мы все шлём Вам всем наши искренние приветы.

Душевно,

Н. Перих

16.

20 июня 1938

Дорогой Александр Николаевич,

Прошлый раз я писал Тебе, спрашивая, неужели вести о кончине Яковлева верны, но теперь пришли все газеты, и увы, более сомневаться нельзя. Посылаю Тебе мою заметку о Яковлеве⁶¹, и, если считаешь нужным поместить её во благо,—так и сделай.

Со всех сторон только и слышишь о разных уходах от земли. Недавно мы получили сведение, что один наш большой друг в Бельгии скончался. Приблизительно всё наше поколение движется к расчёту (так, кажется, говорил покойный Серов). Читал я Твоё доброе слово о Яковлеве⁶², а также памятку Добужинского. Тем дружнее нужно держаться могиканам «Мира Искусства».

Все мы шлём Тебе и милой Анне Карловне наши сердечные приветы—всегда рады получить Твою добрую весточку.

Духом с Тобю,

Н. Перих

27 января 1939

Дорогой Александр Николаевич,

Давно не имел от Тебя весточки и даже не знаю, дошло ли моё письмо от 6-го сентября. В нем я писал, что нам так хотелось видеть воспроизведения с Твоих работ, выставленных в Англии, а также с постановок Коки. Называю его по-прежнему, а между тем всё это поколение уже подходит к сороковым годам. Много воды утекло. Читали мы Твой фельетон о «Волшебном Фонаре»⁶³. Он навеял те же мысли о многих прошедших годах и о том, какие научные достижения за эти годы обогатили человечество. Жаль только, что все эти механические нововведения мало подвинули дух человеческий. Всё-таки такого человеконенавистничества и взаимного недоброжелательства как сейчас, пожалуй, ещё и не было от начала планеты. Каждый газетный лист приносит сведения как бы из сумасшедшего дома. И среди всех этих человеческих смятений тем ярче и отраднее выступают те дружеские связи, которые не проржавели за целые десятилетия. Такое творится на земле, что сил не хватает сидеть вдалеке, и хочется приложить и опыт, и добрые намерения где-то, где они послужили бы на общую пользу. Почему-то мне вспоминается, как однажды у нас Ты по какому-то поводу взял Яремича под руку и сказал: «Мы—Гусары Смерти». Всё меньше становится таких деятельных гусаров смерти. А между тем, жизнь требует жертвенности. Недавно мы порадовались, читая в Твоём фельетоне о том, что несколько вещей Яковлева приобретены Люксембургским музеем, и в Париже будет его большая выставка. Как ценно слышать о каждом таком продвижении. Несколько дней тому назад я послал Тебе две моих статьи —«Праздник Искусства» (-об Академии Художеств)⁶⁴ и «Радость»⁶⁵, в которой привел Твои замечательные слова об Осеннем Салоне. В статье об Академии Художеств мне вспомнился М. П. Боткин⁶⁶, который кричал мне о том, что все наши картины нужно сжечь. Ох, много битв бывало. Надеюсь, что эти статьи до Тебя дошли, — по нынешним временам никогда нельзя быть уверенным в исправности почты. Сегодня посылаю Тебе бандеролью объявление о монографии, сейчас изданной в Риге⁶⁷. Также прошу издательство выслать Тебе и самую книгу. Издатели разделили монографию на три части, и сейчас вышла первая. Итак, среди всяких ужасов войны раздаются голоса и об искусстве. Может быть, эти напоминания о мирных трудах сейчас особенно нужны, как противоядие всякой злобе, вылезшей из всех щелей. На днях мы получили новое английское издание о Греко. Мой Святослав особенно увлекается этим мастером. Издание это хорошо и тем, что очень общедоступно по цене. Можно удивляться, каким способом достигается такая доступность при 250 репродукциях. Удивляюсь, что «Последние Новости» не издали ещё следующего тома Твоих художественных писем. Конечно, и на газетных листах они приносят свою огромную пользу, но уже с готовых наборов можно бы так легко дать их в отдельном издании, а ведь это для молодёжи было бы истинным путеводителем в понимании искусства. «Гусаров Смерти» осталось уже не так много, а таких деятельных, как Ты, и совсем мало. Непонятно, почему человечество во всех веках всегда оглядывалось назад, но не умело ценить настоящее. И сколько ценнейшего, таким образом исчезало. Была у меня статья «Будем Бережливы»⁶⁸. В ней я задавал вопрос, почему люди ещё согласны иногда подумать о сохранении памятников искусства и не умеют создать для них — для этих живых деятелей условия, в которых их творчество могло бы дать наилучшие плоды. На днях мне попала книга Сикорского, в которой он касается той же темы. Ещё раньше и Пирогов⁶⁹ говорил приблизительно о том же и скорбно называл своих гонителей буцефалами. Человечество в этой своей расточительности к людям неисправимо. Казалось бы, в многообразной литературе часто описывались огорчения, причинённые несправедливыми, невежественными осуждениями. И, тем не менее, так было, так есть, и неужели так и будет? Тоже был у меня записной лист о том, что по какой-то одержимости люди подозревают других во всех своих слабостях. Приходилось слышать, что некие люди называли всех лучших деятелей своекорыстными эгоистами. Увы, мне приходилось слышать, как даже Третьякова⁷⁰ обвиняли в своекорыстии. В том же обвиняли и Льва Толстого, и многих замечательных деятелей. Хотелось спросить всех этих обвинителей и клеветников: не потому ли они клеветают, что в них самих сидит та самая ехидна, в которой они обвиняют других. Вообще, должны существовать крепкие законы против клеветы, иначе молодёжь иногда совершенно теряется в своих исканиях, а тут ещё и земля потеплела, и учёные в недоумении разводят руками—откуда сие. Вообще и трудное, но и замечательное время в своей стремительности, лишь бы только лететь в правильном направлении. Напиши, как Вы живёте — что у Тебя нового. Совсем ничего не слышу о Сомове. Мы все в работе, но жаль, что здоровье Елены Ивановны нехорошо, всё сердце. Всем Вам сердечный привет от всех нас. Мысленно часто с Тобой и всегда шлю Тебе мои лучшие мысли.

Сердечно и искренно,

Н. Перух

18.

8 февраля 1939

Дорогой Александр Николаевич,

Недавно я писал Тебе/а теперь явился один вопрос, на который мне бы хотелось получить Твой ответ. Одно издательство запросило меня, не может ли оно получить Твою статью о моём искусстве в размере одного-двух фельетонов. Они обратились ко мне с вопросом о гонораре и сами стеснялись Тебя об этом запросить. Если Ты принципиально ничего против не имеешь, то будь добр, сообщи мне по-дружески размер гонорара за такую статью. Я совершенно не в курсе парижских гонораров и не мог сказать хотя бы приблизительно о гонораре за Твои художественные письма. Но если Ты мне назовёшь цифру, для меня будет большою радостью передать её по назначению, ибо всё, от Тебя исходящее, нам всем чрезвычайно близко и дорого. Вот читаем о смерти Г. Чулкова⁷¹, вспоминаю, как он приходил ко мне и какие беседы и планы происходили. Вспомнишь об одном— а это было уже тридцать лет тому назад. Вспомнишь о другом — уже было сорок лет тому назад, — возникают такие сроки, которые как-то и не укладываются сразу. Как-то в газете мелькнуло имя Лансере, и стало радостно, что он по-прежнему работает. Имел вести от моего брата Бориса⁷²— работает по постройке большого Научного Института; Архитектор Яковлев, товарищ моего брата, действует по восстановлению Царского Села. Постоянно приходится находить в разных странах имена моих бывших учеников, и надо отдать справедливость, многие из них как-то узнают наш адрес и пишут очень сердечно. Вообще удивительно, как время и история стирают всякие ненужные вехи, и повсюду можно взглянуть глазом добрым. Была у меня такая статья под названием «Глаз добрый», посвящённая Станиславскому⁷³,— у него была эта ценная особенность, и многие артисты её отвечали. Недавно в одной книжке я читал рассказ, будто бы со слов дочери Третьякова Ирины Павловны, о том, что Грабарь⁷⁴ помогал Третьякову собирать галерею. Вот уже недоразумение, ибо Грабарь, как всем известно, появился уже после смерти Третьякова. Удивительно, откуда только берутся всякие такие сведения, которые впоследствии могут лишь вносить смуту и разногласие. И ещё есть у меня один вопрос к Тебе. Сколько, приблизительно, стоит Твой костюмный рисунок? Один собиратель (есть ещё и такие) меня спрашивал, а я не умел ему ответить. Итак, будь добр, черкни мне по первому и по второму вопросу. Шлём Анне Карловне, Тебе и всем Твоим наши дружеские мысли.

Сердечно и искренно,

Н. Перих

19.

14 марта 1939

Дорогой добрый друг, Александр Николаевич, Спасибо сердечное за Твоё такое славное письмо — такое оно душевное. Так как мне придётся самому указать издателям цифру гонорара за Твою статью, то будь добр, черкни мне, будет ли ладно, если я им назову 1000 ф. Конечно, всё это не спешно, но я люблю всегда, чтобы всё было ясно. Материалы Ты найдёшь в монографии, сейчас выпускаемой в Риге. Я просил, чтобы Тебе монография была немедленно послана. Наверное, «Последние Новости» дадут о ней отзыв. В конце концов, можно несколько претендовать на «Последние Новости». О книге Грабаря они дают целых три фельетона, а на мои три книги хоть бы одно слово. Все-таки странно такое абсолютное невнимание. Конечно, кроме рижской монографии (в ней будет более ста воспроизведений) можно найти материалы и у Шклявера⁷⁵ (7 рю Валуа). Сейчас читал Твой прекрасный фельетон о Григорьеве⁷⁶. Как хорошо, что ты нашёл такие сильные и добрые слова. Григорьев вполне заслуживает Твою превосходную оценку, а кроме того, он был один из немногих уже остающихся участников группы «Мира Искусства». Удивительно подумать, сколько замечательных Художников из этой группы уже ушло. Дягилев, Бакст, Браз, Головин, Кустодиев, Трубецкой, Чехонин, Яковлев, Щуко, Борис Григорьев, а теперь ещё и Петров-Водкин. Только подумать, что уже одиннадцать сильных художников покинули земную юдолю. При этом все они ушли преждевременно. Как хорошо, что Лифарь⁷⁷ устраивает Дягилевскую выставку. Ведь так часто даже крупнейшая деятельность порастает травой забвения, а ведь с именем Дягилева связана целая эпоха. Я писал Шкляверу, чтобы он со своей стороны всячески помог этой замечательной выставке. Я не знаю, что именно там будет выставлено, но, вероятно, кроме оригиналов будут и воспроизведения эскизов и костюмов. Где остались серовское панно⁷⁸ и моя «Сеча при Керженце»?⁷⁹ В своё время они очень нравились и должны же где-то находиться. Невероятно предположить, чтобы они (шли съедены мышами в каком-то подвале. При последующих балетных антрепризах эти панно не выставлялись, значит, они где-то покоятся и, будем надеяться, в сохранности. Странно подумать, сколько вещей исчезло за эти годы. Может быть, часть их вынырнет когда-то опять, но кажется, что большинство этих странников бесследно пропало. Я лично могу насчитать целый длинный ряд моих пропавших вещей и думаю, что на самом деле этот список гораздо многочисленнее. Когда в 1926 году мы проезжали Омск, то в местном музее к моему изумлению оказалась большая моя неоконченная картина «Строят ладьи». Я отлично помню, что она оставалась в числе многих других холстов в моей верхней мастерской. Значит, всё оттуда разлетелось. Также много картин своевольно распродал Арбенин⁸⁰, которого Ты, наверно, помнишь, а затем мне сообщили, что он умер. Вообще, когда в художественных словарях читаешь списки пропавших картин, то теперь они делаются совсем не странными. Можно себе представить, сколько прекраснейших картин сейчас погибло в Испании. Также из Китая приходилось слышать о непоправимом разрушении древних памятников. Где людская жестокость и невежество, а где черствая корысть способствовали бесчеловечным разрушениям.

Удивительно, что и в наше время среди всяких иногда курьёзных забот об охране искусства можно натолкнуться на самые невероятные грубейшие вандализмы. За последние годы пришлось видеть столько старинных картин, наспех вавилонами вырезанных с подрамников. Приходилось видеть останки картин, сложенных, как носовой платок, протёртых по всем складкам. А тут вдруг уходит с земного плана целая группа мастеров, а ведь не Скоро их заменит молодое поколение. Тебе показалось, что какое-то моё письмо не дошло. И сам я об этом подумал, ибо ещё в августе спрашивал Тебя об условиях, на которых устраиваются в Лондоне выставки. За эти дни мы все переболели инфлюэнцей, как видно, даже в далёкие горы забирается эта непрошенная гостья. Как хорошо Ты описал Твои семейные собрания, на которых третье молодое поколение уже является участниками. Значит, за исключением Коки, все прочие Твои живут около Вас в Париже. Всё-таки, из всех городов Европы (уже не говорю об Америках), Париж остаётся самым привлекательным для жизни. Уж если где жить в Европе, то в Париже. Конечно, тянет повидать опять и Венецию, и Рим, и Брюгге, и Амстердам, но ведь это всё будет поучительный превосходный проезд, а поселиться в Венеции вряд ли вообще возможно. Мои заметки, которые я посылал Тебе, были, конечно, для Твоего сведения, ибо во всём, что я пишу постоянно упоминается твое имя. Да и ты, и Дягилев вписали в целую эпоху так много, что теперешняя выставка Павильон Марсан должна отзвучать, как прекраснейшая летопись. Неужели Ида Рубинштейн⁸¹ опять взялась за Клоделя-за эту черную птицу поэзии? Удивительно, что в то время, когда среди более молодых французских поэтов и литераторов столько прекраснейших имён, а тут ветошь Клоделя будет занимать внимание. Читали мы о процессе Жана Кокто⁸² итак, докурился, наконец. Вот тоже пустоцвет Итак пожалуйста, черкни мне, о чем я спрашивал в начале письма, и по нашей искренной формуле прими вместе с Анной Карловной наши лучшие мысли.

Духом с тобою,

Н. Рерих

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письма 1—4 хранятся в отделе рукописей Русского Музея, ф. 137, д. 1468. Частично опубликованы: Сойни Е. Г. Николай Рерих и Север. — Петрозаводск, 1987.

² Летом 1917 года Н. К. Рерих с семьёй жил в имении Реландера «Юхинлахти». Реландер К. А. О — ректор с.ортавальской семинарии, педагог и фольклорист.

³ Речь идет о публикациях: Бенуа А. Н. Революция в художественном мире//Новая жизнь. 1917. 14 мая; Бенуа А. Н. Желательный оборот//Новая жизнь. 1917. 21 мая.

⁴ Зилоти Александр Ильич (1863—1945), известный пианист, дирижер. В 1919 году эмигрировал и с 1922 года жил в США. Статья «Желательный оборот» была посвящена конфликту между коллективом Мариинского театра и А. И. Зилоти, приглашенного в театр художественным руководителем.

⁵ Бенуа (урожд. Кинд) Анна Карловна (1869—1952), супруга А. Н. Бенуа.

⁶ Рерих имеет в виду так называемую «Комиссию Горького». 4 марта 1917 г. на квартире у М. Горького на Кронверкской ул. состоялось совещание художников и деятелей культуры. Присутствовало около 60 человек (председательствовал Н. К. Рерих). Обсуждались вопросы об охране памятников искусства, о дворцах и коллекциях, принадлежавших царскому дому. По итогам совещания была создана «Комиссия по делам искусств», куда вошли М. Горький (председатель), А. Н. Бенуа, Н. К. Рерих (товарищи председателя), М. В. Добужинский, И. А. Фомин, К. С. Петров-Водкин, Ф. И. Шаляпин и др. Было составлено «Воззвание о сохранении произведений искусства» (см.: Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — 1917. — 8 марта). Комиссия была узаконена Исполкомом Совета раб. и солд. депутатов как «Комиссия по вопросам искусства» и Временным правительством как «Особое совещание по делам искусств». Подробно см.: Лапшин В. П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году.—М., 1983; Муратова К. Д. М. Горький в борьбе за развитие советской литературы.—М., 1958.

⁷ Речь идет о реорганизации Академии Художеств. Этим вопросом также занималась «Комиссия Горького». А. Н. Бенуа был одним из авторов проекта нового устава Академии.

⁸ Путятин Павел Арсентьевич, князь (1837—ум. после 1915, до 1921)—археолог, коллекционер, родственник Е. И. Шапошниковой—супруги Н. К. Рериха.

⁹ Летом 1917 г. в художественных кругах обсуждался вопрос об издании закона, запрещающего вывоз художественных ценностей за границу. Этой теме была посвящена публикация М. Горького «Американские миллионы» (Новая жизнь. — 1917.—8 июня). Горький предлагал, в частности, запретить распродажу частных коллекций. Возражая Горькому, А. Н. Бенуа в статье «Закрепощение художественных сокровищ» (Новая жизнь.—, 1917.—6 июня), утверждал, что «художественное произведение не признает границ» и опасался, что владельцы обойдут закон или начнут уничтожать произведения искусства.

¹⁰ Сюита «Героика» состоит из следующих работ: «Ждущие», «Зелье Нойды», «Клад захороненный», «Конец великанов», «Победители клада», «Приказ», «Священные огни».

¹¹ «Соловей»—опера И. Ф. Стравинского (либретто С. С. Митусова) по сказке Г.-Х. Андерсена, впервые была показана в программе «Русских сезонов» С. П. Дягилева в Париже в 1914 году. Эскизы декораций и ко-

стюмов были созданы А. Н. Бенуа, им же была осуществлена постановка. В 1917 г. руководитель бывших Императорских театров В. А. Теляковский заказал постановку «Соловья» В. Э. Мейерхольду, а декорации и костюмы — А. Я. Головину, оформившему целый ряд постановок режиссера. Стравинский, предпочитавший сотрудничество с А. Н. Бенуа, был в ту пору в Париже и не мог повлиять на ситуацию.

¹² Яремич Степан Петрович (1869—1939), историк искусства, критик, график, близкий к кругам «Мира искусства». Близкий друг А. Н. Бенуа. С 1913 г. преподавал в Школе Императорского Общества поощрения художеств, директором которой был Рерих. Автор очерка о Н. К. Рерихе. Н. К. Рерих. Пг.: «Свободное искусство», 1916.

¹³ Гамсун Кнут (1859—1952), норвежский писатель.

¹⁴ Имеется в виду С. П. Яремич.

¹⁵ С 1906 по 1917 гг. Н. К. Рерих состоял директором Школы Императорского Общества поощрения художеств. После Февральской революции в связи с наметившейся реорганизацией системы художественного образования Н. К. Рерих составил проект преобразования Школы в Свободную Академию. См.: Рериховский вестник. 1989. Вып. 2.—Ленинград—Извара, 1991. С. 17—23.

¹⁶ Зубов Валентин Платонович (1884—1969), основатель и директор частного Института Истории Искусств (Санкт-Петербург, Исаакиевская, 5), открытого в марте 1912 г. Воссоздан в 1991 г. как Российский институт истории искусств.

¹⁷ В 1917 г. состоялось 3 выставки объединения художников «Мир искусства»; две—в Москве (26.12.16—2.02.17; 27.12.17—2.02.18) и одна в Петрограде (19.02.17—26.03.17).

¹⁸ «Новая жизнь» — социал-демократическая, общественно-политическая газета, в которой сотрудничал А. Н. Бенуа.

¹⁹ Опубликовано см.: Современная драматургия.—1983. № 1. С. 186—201. Также (с исправлениями): Николай Рерих. О вечном.—М., 1991. С. 415—437.

²⁰ Провозвестие Рамакришны.—Спб., 1914. Бхагаван Шри Ра-макришна (1836—1886)—индийский мыслитель и религиозный учитель.

²¹ Рерих Юрий Николаевич (1902—1960)—старший сын Н. К. Рериха. востоковед. О нем см.: Рериховский вестник. 1992. Вып. 5.—М.—Спб.—Извара, 1992.

²² Бенуа Николай Александрович (1901—1988), сын А. Н. Бенуа, театральный художник. С 1924 г. жил в Италии, с 1936 г. — заведующий художественно-постановочной частью театра «Ла Скала» в Милане.

²³ «Последние новости»—общественно-политическая и художественно-литературная русская газета, издаваемая с начала 1920-х гг. в Париже—редактор П. Н. Мильков (1859—1943). Статьи А. Н. Бенуа стали появляться в газете с 1929 г., сначала 1930-х гг. Бенуа—постоянный сотрудник.

²⁴ Бенуа Альберт Николаевич (1852—1936)—русский акварелист, один из основателей и первый председатель Общества Русских Акварелистов (1880), старший брат А. Н. Бенуа. С середины 1920-х гг. жил во Франции. Речь идет о статье: Бенуа А. Н. Альберт Бенуа // Последние новости. — 1936. — 23 и 30 мая.

²⁵ Бенуа-Хорват Камилла Альбертовна (1878—1963), дочь Альберта Николаевича Бенуа, художница и писательница; с 1920-х гг. с семьей жила в Харбине, затем в Пекине.

²⁶ Письмо из архива Музея сепии Бенуа (Филиал Государственного музея-заповедника «Петергоф»).

²⁷ Рерих Н. Твердыня пламенная. Нью-Йорк, 1933; Рига, 1991.

²⁸ Андреев Леонид Николаевич (1871—1919), известный русский писатель, «особый друг» Н. К. Рериха. 29 марта 1919 г., в день открытия рериховской выставки в салоне Стринберга (Финляндия) в финской газете была опубликована его статья «Держава Рериха».

²⁹ Рерих (урожд. Шапошникова) Елена Ивановна (1879—1955), супруга Н. К. Рериха, автор философско-этических книг. Перевела «Тайную Доктрину» Е. П. Блаватской.

³⁰ Рерих Святослав Николаевич (1904—1993), младший сын Н. К. Рериха, художник, ученый-ботаник, общественный деятель. С 1934 г. жил в Индии. Подробно см.: Рериховский вестник. 1990. Вып. 3. — Ленинград — Извара, 1991.

³¹ Дризен Николай Васильевич (1868—1935), театральный критик. Вместе с Н. Н. Евреиновым основал в Петербурге «Старинный театр» (сезоны 1907, 1911 гг.). В сезон 1911 г. Н. К. Рерих оформлял для «Старинного театра» пьесу Лопе де Вега «Фуенте Овехуна».

³² Рауш фон Траубенберг Константин Николаевич (1871—1935), скульптор. См.: А. Н. Бенуа. Памяти барона К. Рауша фон Траубенберга//Последние новости.—1935.—16 июня.

³³ Билибин Иван Яковлевич (1876—1942), художник, член объединения «Мир искусства». В 1920—1936 гг. жил за границей. По возвращении в СССР жил и работал в Ленинграде, преподавал в Академии Художеств.

³⁴ В 1936 г. в Лондоне в Storgan Gallery состоялась выставка театрально-декорационных работ А. Н. Бенуа.

³⁵ Браз Осип (Иосиф) Эммануилович (1872—1936), живописец. С начала 1920-х гг. проживал за рубежом. См.: Бенуа А. Н. Браз//Последние новости. — 1936. — 28 декабря.

³⁶ Гиршман Владимир Осипович (1867—1936), московский фабрикант, известный коллекционер. См.: Бенуа А. Н. Кончина В. О. Гиршмана // Последние новости. — 1936. — 13 ноября.

³⁷ Тагор Рабиндранат (1861—1941), индийский писатель, поэт, друг Н. К. Рериха.

³⁸ См.: Н. К. Рерих. Нерушимое. Рига: «Угунс», 1936; Рига: «Виeда», 1991.

³⁹ См.: Бенуа А. Н. Выставка Рубенса//Последние новости. 1936.— 12, 19 и 26 декабря; 1937.—2 января.

⁴⁰ Желтовский Иван Владиславович (1867—1959), русский архитектор, неоклассицист.

⁴¹ Щуко Владимир Александрович (1878—1939), русский архитектор, неоклассицист.

⁴² Щусев Алексей Викторович (1873—1949), русский архитектор, работал в не о русском стиле, стиле неоклассицизма. Для ряда его построек Н. К. Рерих создавал мозаики и живописные панно.

⁴³ Белобородов Андрей Яковлевич (1886—1965), архитектор, акварелист, график. С 1920 г. жил во Франции.

⁴⁴ Серов Валентин Александрович (1865—1911), русский художник, портретист. В 1909 г. написал портрет Е. И. Рерих.

⁴⁵ Рерих Н. К. Толстой и Тагор // Октябрь. — 1968.—№ 10; Рерих Н. К. Из литературного наследия. М., 1974. С. 107—111.

⁴⁶ Рерих Н. К. Чурленис. 1936 г. Опубликовано: Н. К. Рерих. Зажигайте сердца.— М., 1978. С. 104.

38

⁴⁷ Речь идет о выставке, посвященной 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина и организованной в Париже. См.: А. Н. Бенуа. Пушкинская выставка // Последние новости. — 1937. — 3 апреля.

⁴¹ Речь идет о Всемирной выставке в Париже 1937 года. См.: А. Н. Бенуа. Парижская Всемирная выставка // Последние новости. — 1937. — 10 и 17 июня.

⁴⁹ Речь идет о выставке работ А. Н. Бенуа в Tooth Gallery, проходившей летом 1937 года.

⁵⁰ Григорьев Борис Дмитриевич (1886—1939), русский художник, с 1913 г. был членом объединения «Мир искусства». См.: Бенуа А. Н. Выставка работ Бориса Григорьева // Последние новости. — 1937. — 16 июня.

⁵¹ Клодель Поль-Луи-Шарль Мари (1868—1955), французский поэт, драматург, один из создателей религиозного театра, возродивший жанр средневековой мистерии.

⁵² «Половецкий стан» — декорация Н. К. Рериха к балетной постановке «Половецкие пляски» в программе «Русских сезонов» С. П. Дягилева в 1909 г.

⁵³ Булгаков Валентин Федорович (1886—1966), личный секретарь Л. Н. Толстого. С 1923 г. по 1948 г. находился в эмиграции в Чехословакии. В 1934 г. организовал в Збраславе около Праги Русский культурно-исторический музей.

⁵⁴ Рерих имеет в виду Всемирную выставку в Париже 1937 г.

⁵⁵ Скорее всего, речь идет о книге А. Н. Бенуа «История живописи всех времен и народов». Спб.: «Шиповник», 1912—1914 гг. Также перу Бенуа принадлежит: История русской живописи в XIX в. СПб., 1904.

⁵⁶ Мутер Рихард (1860—1909), немецкий искусствовед, автор «Истории живописи от средних веков до наших дней».

⁵⁷ Дюнан Анри Жан (1821—1910), швейцарский общественный деятель, основатель международного общества «Красный Крест» (1863).

⁵⁸ Яковлев Александр Евгеньевич (1887—1938), русский художник, член объединения «Мир искусства».

⁵⁹ Сомов Константин Андреевич (1869—1939), живописец, график, член объединения «Мир искусства».

⁶⁰ Лансере Евгений Евгеньевич (1875—1946), художник, график, член объединения «Мир искусства», племянник А. Н. Бенуа. В 1930 году оформлял Казанский вокзал в Москве.

⁶¹ Рерих Н.К. Александр Яковлев//Рассвет (Чикаго). 1938. Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974. С. 125—127.

⁶² См.: Бенуа А. Н. Скончался Александр Яковлеву/Последние новости. — 1938. — 13 мая.

⁶³ Бенуа А. Н. **Laterna Magica**//Последние новости. — 1938. — 31 декабря.

⁶⁴ Академия художеств/Из литературного наследия. М., 1974. С. 88—92.

⁶⁵ Рерих Н. К. Радость//Моя жизнь. Листы дневника. № 70. 1939. Не опубликовано.

- Боткин Михаил Петрович (1839—1914), художник, коллекционер, вице-президент Императорского Общества поощрения художеств.

" Рерих. Текст Вс. Иванова и Э. Голлербаха. Художественная редакция А. М. Гранде. Часть 1. Издание Музея Рериха. Рига, 1939.

⁶⁸ Рерих Н. К. Будем бережливы//Зажигайте сердца. М., 1978. С. 173.

⁶⁹ Пирогов Николай Иванович (1810—1881), русский хирург и анатом.

⁷⁰ Третьяков Павел Михайлович (1832—1898), русский художественный деятель, основатель знаменитой картинной галереи в Москве.

⁷¹ Чулков Георгий Иванович (1879—1939), русский писатель.

⁷² Рерих Борис Константинович (1885—1945), младший брат Н. К. Рериха, архитектор-художник.

⁷³ Станиславский (настоящая фамилия Алексеев) Константин Сергеевич (1863—1938), русский театральный деятель, актер и режиссер. Очерк под названием «Глаз добрый» в библиографии Н. К. Рериха не обнаружен.

⁷⁴ Грабарь Игорь Эммануилович (1871—1960), историк искусства, художник, музейный деятель.

⁷⁵ Щклявер Георгий Гаврилович (ум. 1970), юрист, профессор Парижского университета, секретарь Общества Н. К. Рериха во Франции и председатель Парижского Комитета Пакта Рериха.

⁷⁶ Бенуа А. Н. Творчество Бориса Григорьева // Последние новости. — 1939. — 18 февраля.

⁷⁷ Лифарь Сергей Михайлович (1905—1986), балетмейстер, участник «Русских сезонов» С. П. Дягилева. К 10-летию со дня смерти Дягилева С. М. Лифарем была организована выставка «Русские балеты Дягилева» (март-июнь 1939). См.: Бенуа А. Н. Выставка Дягилева//Последние новости. — 1939. — 8, 15 и 22 апреля.

⁷⁸ В. А. Серов в 1911 году создал эскиз занавеса для постановки балета «Шахерезада» в программе «Русских сезонов». В 1920-е годы работа затерялась.

⁷⁹ «Сеча при Керженце» — декоративное панно Н. К. Рериха, бывшее оформлением одноименного симфонического антракта на музыку Н. А. Римского-Корсакова в программе «Русских сезонов» 1911 года. В 1920-е годы работа затерялась.

⁸⁰ Об Арбенине сведений не найдено.

⁸¹ Рубинштейн Ида Львовна (1880—1960), танцовщица, участница «Русских сезонов». В 1929 году организовала «Труппу Иды Рубинштейн». А. Н. Бенуа был главным художником труппы.

⁸² Кокто Жан (1889—1963), французский писатель, драматург, кинорежиссер, художник. Был связан со всеми авангардистскими течениями XX века. К деятельности «Русских сезонов» С. П. Дягилева имел отношение с 1910 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. К. Рерих ПИСЬМА К А. Н. БЕНУА Выпуск 4

Предисловие	5
Н. К. Рерих. Об Александре Бенуа, его славной семье, картинах, постановках и истории искусства	6
Письма Н. К. Рериха к А. Н. Бенуа	10
Примечания	36

Релакшюнно-выпускающая группа **Е. В. Алексеева, А. А. Малыгин, А. С. Петров**

Художник **Н. Юдин**

Зак. 708 309 9,4 г.